

КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ, СИМПОЗИУМЫ

CONFERENCES, SEMINARS AND SYMPOSIA

ВТОРАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. АФИНЫ

Вдали от заполненного туристами центра Афин, в тринадцати остановках метро, на восточной окраине располагается муниципалитет Пеания, старинный городок с узкими улицами. Это один из древних христианских центров византийской культуры. Впрочем, на одной из площадей Пеании стоит памятник оратору Демосфену, который жил в этом месте. Пеания находится на периферии Аттика, в местности, давшей название гомеровской форме греческого языка. А ещё, среди множества её церквей есть и церковь Святого Иоанна Златоуста. Не церковь, посвящённая имени Иоанна Златоуста, а церковь собственно Святого Иоанна Златоуста.

В этом очень тихом и уютном городке в июле 2009 года проходила Вторая Международная конференция византийской музыкальной культуры. Организатором выступило Американское Общество византийской музыки и гимнологии при университете Питтсбурга (США) и д-р Никос Янукакис, при участии Министерства национального образования и религии Греции, мэра Пеании г-на Дмитриоса Давариса, Центра европейского искусства в Пеании, представленного д-ром Евангелосом Андреу, и с благословения православного патриархата Константинополя и Москвы, православных епархий Афин, Канады, Питтсбурга и Проинконесоса. Впрочем тот, кто ожидал обычной конференции, привычной для любого европейца или американца, — в большом отеле в центре города, с кофе-брейками и суетой, с людьми, одетыми в деловые костюмы, — был бы удивлён необычным окружением. Участник конференции становился членом большой греческой семьи. Например, обед, столь традиционное на Западе дело, здесь превращался в нечто, напоминающее чтение эпических поэм Гомера. В музее Пилиониса, то есть в доме господина Александроса Пилиониса, коллекционирующего сельскохозяйственную утварь последних трёх тысячелетий, под крытым патио, в саду собирались учёные-византологи и вели тихую беседу в сократическом духе. Порой казалось, что это не международная конференция, а встреча с родными после долгой разлуки. Еда, не генетически изменённая, а домашняя,

SECOND CONFERENCE IN BYZANTINE CULTURE. ATHENS

Far away from the tourists-flooded center of Athens, in some 13 stations of metro, in the eastern outskirt of the city, lies the municipality of Paeanea. It is an ancient town with narrow streets. Paeanea is one of the ancient Christian centers of Byzantine culture. However, on one of the town's squares you can find a monument to Demosthenes who used to live here. The town is located in *peripheria* of Attica, the land which gave the name to Homer's version of ancient Greek language. Among great number of churches, there is a church of John Chrysostom. Not the church just *named after* him, but the church of Saint John Chrysostom.

This quiet and peaceful town housed the Second Conference in Byzantine Culture in July 2009. It was organized by the American Society of Byzantine Music and Hymnology represented by Dr. Nikos Giannoukakis, by the Ministry of National Education and Religious Affairs of Greece, by the Major of Paeanea Mr. Dimitros of Davaris, and the Center of European Arts in Paeanea, represented by Dr. Evangelos Andreou, by the blessings of the Orthodox Patriarchates of Constantinople and Moscow, the Orthodox Archdiocese of Athens, and the Orthodox Diocese of Canada, Pittsburgh and Proikonesos. Well, if one expected to see a usual conference, held, say, at a large convention center, with coffee breaks and men in pinstripe suits, one would be very surprised not to see all these. On the contrary, every participant had become a member of a large Greek family. For example, the dinner, so common an affair at other conferences, here would turn into a leisurely dialogue, akin to the readings of Homer's epic poems.

In the museum of Pyliounis, well, in the house of Mr. Alexandros Pyliounis, Byzantine scholars gathered and led quiet conversations in a Socratic mood. By times it looked like a family reunion after a long period of separation. The food — not the common genetically-modified stuff, but home-cooked, monastic, Mediterranean marvel cuisine — could cure any suffering music theorist. One of my friends told me long time ago that Byzantine culture is right-brain. Special, emotional, holistic approach characterizes, indeed, contemporary byzantinians. Communicating with contemporary Byzantine scholars,

монастырская, могла бы вылечить любого западного теоретика от всех, вызванных стрессом, расстройств. Кто-то из моих российских коллег ранее заметил, что византийская культура — правополушарная. Особое, эмоциональное, целостное отношение к музыке и жизни, действительно характеризует современных византийцев. Как бы то ни было, общение с греческими византологами и распевщиками, с православными священниками оказывает чудесное терапевтическое воздействие на душу и тело.

Академический уровень конференции произвёл очень приятное впечатление. Доклады представляли разные ипостаси византийской музыки: от общих эстетических вопросов до теоретических проблем структуры напевов и системы строя. Было о чём поговорить тем, кто представлял византийскую культуру в контексте древнегреческой теории. В названии конференции — «Византинос мусикос политисмос» — слышны коннотации с древнегреческими терминами. Ведь там, в Элладе, слова «культура» и «политика» сливались в одно понятие «политисмос». Как жаль, что в наше время культура отделена от политики и не является её органической, конституирующей частью!

Были, разумеется, доклады, освещавшие общие аспекты христианской культуры Византийской империи. Например, докладчик Георгиос Фарантос представил пропедевтический урок о том, что, по мнению Святого Василия, подобает в христианском пении, в псалтике, а от чего нужно воздерживаться; Пантелеймон Зафейрис посвятил своё выступление проблеме взаимоотношения православной патристики и псалтического искусства, а архимандрит Отец Афанасий Сиамакис рассказал об «Октоэхии» Святого Иоанна Златоуста.

Конференция была посвящена деятельности знаменитого религиозного деятеля, гимнографа и протопсалта Александроса Морайтidesа. Российскому читателю ещё предстоит познакомиться с его наследием, покрывающим большую часть XIX века. В целом, с византийской традицией в России обычно связывают древние палеовизантийские пласти. Известны, например, интереснейшие перекрещивания двух культур в кондакарной нотации и в жанре контакиона, где русская традиция сохранила и передала нам древние аспекты почти утраченной византийской. Вот и докладчик из Франции Андреа Атланти в своём выступлении об адаптации византийских гимнов к исполнению на французском языке привела в качестве примера контакион «Τη Υπερμάχῳ» («Взбранной Воеводе»), и её музыкальные примеры были взяты из русских изданий. Но эти древние примеры не передают всего многообразия современной византийской

hymnographers and fathers of the Orthodox Church, makes a marvelous therapeutic impact on one's body and soul.

Academic level of the conference has left a very favorable impression. The papers presented various hypostases of Byzantine music, ranging from general aesthetic questions to theoretical problems of intervallic systems and tuning. There was much to say for those who represented Byzantine culture in the context of ancient Greek theory. Even the name of the conference in Greek, “Byzantinos mousikos politismos,” had the connotations with ancient Greek categories. Indeed, in Ellada, the word “culture” and the word “politics” were not separated! How pitiful it is that nowadays culture is divorced from politics and is not anymore the organic, constitutive part of the latter!

There were, of course, papers dedicated to general topics of Christian culture of Byzantine Empire. For example, Georgios Farantos presented a propedeutic lesson on what, according to St. Basil, is appropriate for Christian singing, and what has to be avoided. Panteleimon Zafeiris has dedicated his paper to the problem of interaction of Orthodox Patrology and psalitic art. Archimandrite Father Athanasios Siamakis told us about *Oktoehkia* of Saint John Chrysostom. The conference was dedicated to the work of great religious figure and hymnographer Alexandros Moraitides. The Russian reader is going to learn about his heritage, covering most part of the 19th century.

In general, Byzantine tradition is usually associated in Russia with the ancient, paleo-Byzantine period. It was then, as we know, when Russian *kondakar* notation has preserved the old Byzantine style. An example of such intercultural interaction was given in the paper of French scholar Andrea Atlanti on Τη Υπερμάχῳ, in which musical examples came from sources, published in Russia. However, these ancient examples do not describe the current variety of the Byzantine psalitics, the product of the reforms of the 19th century. For example, the name of major reformer, Chrysanthos of Madyton is little-known to the Russian reader. His system of division of the octave deserves attention, considering the fact that it is used all over the Greece and other places of Byzantine influence. Instead of Do, Re, and Mi, they use Ni, Pa, Ghe, and the tuning of the first three notes is based upon 12 to 10 to 6 proportion. The octave is divided into 72 increments and the ratios for each ikhos are unique. Evangelos Soldatos explained how the division of the octave in this system is related to the Golden Division. His colleague, Haralambos Simeonides presented a series of papers on mathematical proportions in different ikhoses.

Especially intriguing was his paper on hypermajor whole tone as used in contemporary psalitics. This interval,

**1. Церковь Рождества
Христова в Пеании**

**1. Church of Nativity
of Christ in Paeania**

псалтики, продукта реформ XIX века. Имя главного реформатора, Хрисантоса Матидиноса, теоретика византийской гимнологии, малоизвестно широкому читателю в России. Его система деления октавы за-служивает внимания, особенно если учесть, что его неравномерно-темперированная звуковысотная система повсеместно используется в исполнительской практике Греции и других стран византийского влияния. Вместо *До*, *Ре* и *Ми* в этой системе употребляются слоги *Ни*, *Па*, *Ге*, а строй первых трёх нот соотносится как 12, 10 и 6. Октава разделена на 72 отрезка и в каждом эхосе это соотношение — своё. Докладчик Евангелос Солдатос рассказал о присущей этой системе пропорции золотого сечения. Его коллега Хараламбос Симеонидес представил ряд докладов о математических пропорциях в различных эхосах. Особенно интересным был его доклад об использовании гипермажорного целого тона (7/8) в современной византийской псалтике. Данный интервал, по мнению многих западных теоретиков, не входит в число других чистых интервалов, также основанных на сверхартикулярной пропорции $n : (n + 1)$ ввиду своей диссонантности. И действительно, в европейской музыке есть 2/3, 3/4, 4/5, 5/6, но далее следует перерыв до 8/9. В этом перерыве существует интервал, о котором западные теоретики могут догадываться по указаниям Архита на якобы существовавший в Древней Греции энармонический тетрахорд. Но совсем другое дело — ознакомиться с живой практикой, звучащей музыкой в исполнении многих византийских гимнопевцев, включающей этот интервал! Д-р Симеонидес не ограничился демонстрацией звукозаписей разных лет, сделанных и в 1930-е годы, и более современных, в которых знаменитые распевщики с поразительной точностью воспроизвели данный

in fact, is denied existence by western theorists. It does not fit into the order of other pure intervals, based upon superparticular ratios (such as 2/3, 3/4, 4/5, 5/6 and 8/9). Apparently, there is a gap between the minor third and the whole tone. Western theorists could find the evidence of existence of 7/8 only in mentioning of enharmonic teterachord by Archites, but it is a very different story to hear such an interval in a live tradition of contemporary psalts, sung by many famous singers over the decades! Dr. Simeonides did not stop at just providing the sounding examples of this interval. He adapted the Audition software to show, in a very precise and clear fashion, that these intervals are taken regularly by singers and that they present the structural element of ikhos, Byzantine mode.

Indeed, the difference between soft chroma and the hard chroma is not a purely theoretical question for a Byzantine chantler. On Sunday, at the Church of Nativity of Christ in Paeania, the paper presenters have demonstrated the perfection of musical ecstasy channeled into praises to God.

The intervals, discussed earlier, allow to tear away the ties with the fundamental tone, with the root of the chord, with the lowest note, and to fly away with the angels. Our western ear needs the steady foundation of harmony, of vertical support. Byzantine hovering climaxes can make the head of an untrained musician spin. Listening to the agon of the antiphonal singing is dizzying.

In this respect, Russian contemporary approach to singing the Znamennyi chant opens many questions. It is usually performed in the equal temperament. However, Znamennyi chant carries the same tendencies to disrupt the harmonic vertical, as Byzantine. Two reforms, Byzantine of Chrysantos, and Russian of Stepan Smolensky, happen to unfold in opposite directions, the former stirred away from verticality, the latter came closer to western harmonic idiom. Yet, one of the fervent followers of Smolensky, Sergey Rachmaninov suggests in his melodic thinking a strong Byzantine tendency. The author of this review presented a paper «International Influence of Byzantine Music: from Znamennyi Chant to Rachmaninov's Melopeia,» aiming at making the connections among the three and reuniting in theory what has been always a precedent in practice.

Much has been said about the similarities in neumes, and difference in modal and melodic structures between Byzantine and Russian traditions. In the examples from the treatise of Raina Palikarova-Verdeil one can clearly see the identical neumes: Strela looks like Oxeia, Zapyataya looks like Apostrophe, Chamila looks like Chamele. In both traditions, neumatic notation expressed holistic character of music, while the technical, discrete analysis is subordinated to the breathing cycles of phrases. In this sense, Byzantine music presents a unique world of

интервал. Докладчик применил программное обеспечение Audition, используемое вокалистами для исправления интонационных погрешностей, демонстрации точных пропорций интервала. И действительно, в большинстве случаев, на графическом интерфейсе программы проявлялась пропорция частот 7 : 8.

Для современного византийского музыканта и распевщика разговор о твёрдой и мягкой хроме и других интервальных родах не является сугубо теоретическим. В воскресенье, в церкви Рождества Христова в Пеании (фото 1) докладчики продемонстрировали прекрасное искусство псалтиki. Вся служба шла антифонально, два клироса как бы боролись за совершенство музыкальной экстатики, теряясь в порыве восхваления Творцу.

Интервалы, разрушающие принятые на Западе гармонические связи, используются в псалтике для отрыва от реальности, для полёта к ангелам. Многоэтажная неоктавная конструкция псалмодического лада, эхоса устроена так, что в верхних своих этажах она не гармонизуется с нижними. Западное слышание, всегда опирающееся на согласование верхних уровней лада с его низом, устоем, фундаментом, легко теряется в непроницаемой сложности ладового отрыва. Головокружение, а часто и головная боль — вот, что может вынести неподготовленный западный музыкант из прослушивания многочасового псалтического антифонального соперничества.

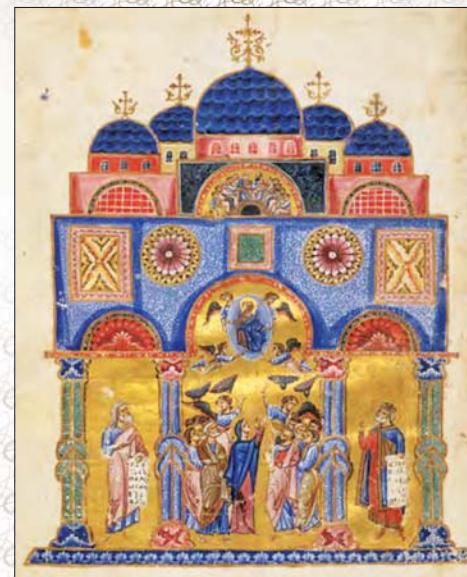
В этой связи интересной представляется современная традиция знаменного распева в России. Здесь распев чаще всего поётся в «равномерно-темперированном» строе. Так, например, звучал знаменный распев в исполнении хора Оптиной Пустыни в Петербурге этим летом, на фестивале Православной музыки в Капелле. Хотя это и вполне приемлемо, в ладовой структуре знаменного распева обнаруживаются те же тенденции, как и в византийской псалтике. Две реформы, византийская реформа Хрисантоса и русская реформа Степана Смоленского как бы развели две традиции в противоположные стороны, одна — в удаление от западной гармонии, другая, напротив, в сторону гармонии как вертикали. И всё же в музыке такого близкого последователя Смоленского, как Сергей Рахманинов, можно обнаружить тенденции к экстатическому отрыву от тоники, к разрыву тритонового сопряжения и уходу от обertonового звукоряда как сковывающего мелодику начала. Автор этих строк предпринял попытку сравнить существенные стороны

2. Страница из сербского трактата по византийской теории музыки *

2. 18-th century treatise on Byzantine notation *

neumatic culture, untouched by the contemporary world. Unlike Russian church music, it does not rely on five-line notation. Moreover, all transcriptions, even folk music arrangements, are presented and used nowadays in neumatic form. At the dinner in Mr. Pyliounis's museum, young Byzantine hymnographers were sighing for Constantinople so sadly that the author has suddenly realized that for them Athens is a temporary shelter, while Constantinople is the homeland. That world which was lost in the 13th century and was partially supported by the

3. Книжная иллюстрация из трактата по византийской теории

3. Illumination from the Byzantine manuscript

* Фото 2, 3 печатаются с разрешения Американского Общества византийской музыки и гимнологии.

* The photo 2, 3 courtesy of American Society of Byzantine Music and Hymnology.

ритмики и звуковысотности рахманиновской мелодики, знаменного распева и византийской системы Хрисантоса в докладе «Международное влияние византийской музыки: через знаменный распев к мелодике Сергея Рахманинова».

Много говорилось о сходстве знаковых систем и различии ладового наполнения византийской и русской древнечерковной музыки. И в труде Райны Паликаровой-Вердей, и во многих других источниках сравниваются Стрелы с Оксейей, Запятая с Апострофом, Хамила с Хамеле и так далее. Но сходство существует и в ладово-интонационной сфере. Оно более скрытое и представляется в тенденции к неоктавной, узкошаговой структуре. Здесь полному сходству мешает ещё и тот факт, что современные греческие гимнопевцы не используют пятилинейную нотацию. Даже народные песни исполняются в расшифровке невмами. О целостном и уникальном характере невматической нотации, о её преимуществе в выражении духовности в музыке можно говорить много. Автор данных строк представил такой взгляд на нотацию в своей диссертации. Вряд ли все западные коллеги согласятся с таким подходом, но в невматической нотации, действительно, выражается целостный характер музыки, и технический и дискретный анализ подчиняется музыкальному дыханию фраз. Византийская музыка в этом плане представляет уникальный образец нетронутой современным миром невматической культуры.

За обедом, в музее Пилиониса, молодые гимнографы вздыхали об утраченном Константинополе так, что автору показалось на мгновение, что Афины являются для них времененным прибежищем. Тот византийский мир, исчезнувший в XIII веке и поддерживаемый русской духовностью, оказывается, уцелел в музыке и чувствует себя прекрасно. Более того, Американское Общество византийской музыки и гимнологии открыто для российских коллег и предлагает сотрудничать и издавать совместно новый международный журнал. А для начала, в следующих номерах «Проблем музыкальной науки» появятся статьи на новогреческом языке о византийской псалтике, об Александросе Моратидесе и древнегреческих терминах в понимании современных носителей греческого языка.

Д-р Ильдар Ханнанов

neighbors, including Russia, suddenly appears to survive in music. It exists in music and does just well! Moreover, American Byzantine Society welcomes the Russian colleagues and even offers to publish a journal jointly. In the meantime, *Problemy Muzykal'noi Nauki* will share its pages with scholars from Athens. In our next issues we will publish papers in Greek language about modern Byzantine psaltics, the work of Alexandros Moraitides, and interpretation of ancient Greek terms by the modern Greek scholars.

Ph. D. Ildar Khannanov